

Имя: Семантическая аура / Институт славяноведения РАН; Отв. ред. Т. М. Николаева. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 360 с. – (ИМЕНОСЛОВ/ИМЯ: Филология имени собственного). – ISBN 5-9551-0163-2.

Рецензируемый сборник является первым выпуском материалов, подготовленных Институтом славяноведения РАН в рамках новой неперIODической серии «ИМЕНОСЛОВ/ИМЯ». Концепция издания связана с научным освоением феномена, которому составители сборника дали метафорическое название – «семантическая аура» имени. Под это общее обозначение, как следует из совокупного содержания опубликованных материалов, подводятся компоненты непонятной семантики собственных имен (антропонимов), в том числе этимологическое значение, культурные коннотации, фоновая информация, производная от употребления именных знаков в текстах различной жанровой и тематической направленности.

Аспекты научного рассмотрения «семантической ауры» имени в настоящем издании можно представить следующим перечнем.

Во-первых, «семантическая аура» исследуется в глубокой диахронической ретроспективе. В этом случае вскрываются связи собственных имен с мифопоэтическими представлениями и архаичными мифологемами, осколки которых с разной степенью экспликации сохраняются в фольклорных текстах и текстах, восходящих к ритуальным действиям.

Во-вторых, «семантическая аура» имени анализируется с точки зрения ее исторической динамики в меняющемся культурном контексте и в контуре переменных ценностных координат.

В-третьих, «семантическая аура» получает объяснение в связи с участием именных знаков в формировании пространства художественного текста. Его внутренняя структура, как показывают материалы конкретных наблюдений, может расширяться и усложняться за счет интертекстуальных и метатекстовых проекций, актуализируемых собственными именами. Оцениваемое с этих позиций, имя выступает носителем сложного семантического «шлейфа» и своеобразным ключом к обнаружению смыслов, скрытых в художественной ткани.

При многообразии тем и проблем, к которым обращаются авторы сборника, четко вырисовывается единство научной платформы, обеспечивающей цельность и связанность всего издания. Оно основано на использовании общих принципов антропо- и культуроцентризма в подходе к изучению семиотической специфики имени, на рассмотрении семантики, синтактики, прагматики знака сквозь призму его «жизнедеятельности» в текстах культуры.

Уникальная способность собственных имен к собиранию и трансляции культурных смыслов была отмечена еще гуманитарной отечественной наукой второй половины XX в. и прежде всего исследователями Московско-Тартуской семиотической школы, поэтому программный характер носит посвящение сборника памяти выдающегося ученого, филолога, слависта, этимолога, одного из основателей Московского семиотического круга – Владимира Николаевича Топорова.

Многие работы В. Н. Топорова вошли в классический фонд отечественной ономастики. Однако многогранность научных интересов и энциклопедичность познаний исследователя предопределили выход его научных построений на качественно иной уровень. Горизонты, которые открылись в связи с семиотической трактовкой имени, позволили увидеть в нем не только языковой знак, но и уникальный инструмент для обнаружения тончайших семиотических цепочек в историческом движении культуры.

Настоящее издание содержит ряд статей В. Н. Топорова, опубликованных в последней трети прошлого столетия в журналах и сборниках малотиражного формата. Последнее обстоятельство сделало эти работы практически недоступными для современного читателя, поэтому включение их в новый академический сборник можно назвать подарком научной читательской аудитории.

Есть еще один повод отметить ценность повторной публикации: статьи В. Н. Топорова в общем текстовом массиве определяют тот продуктивный идейный фундамент, на который опираются изыскания дня сегодняшнего. Отдаленные 40–30-летней ретроспективой, эти работы не перестают удивлять смелостью научных рассуждений, широтой привлекаемой доказательной базы и почти завораживающей глубиной исследовательского погружения в материал.

Открывающая первый раздел сборника статья В. Н. Топорова «От имени к тексту» посвящена теофорным древнерусским именам, которые рассматриваются в контексте славяно-индо-иранских языковых и культурных контактов. Идея, направляющая движение авторской мысли, заключается в допущении, что теофорные имена, а также религиозные и мифологические тексты принадлежат к полю единых концептов и потому семантически поддерживают друг друга.

Имена-кальки с индо-иранского – *Дажьбогъ* и *Стрибогъ* – комментируются с точки зрения их вероятного прикрепления к религиозным текстам, подобным индо-иранским религиозным гимнам. В силу двойной принадлежности к своей и к чужой культуре калькированные имена, по мнению В. Н. Топорова, способны отсылать не только к «своему», но и через «свой» – к «чужому» тексту. Отсюда следует значимость их использования в качестве инструмента для семантической реконструкции древних текстов и одновременно средства для контроля получаемых результатов.

Еще одну сферу славяно-индо-иранских связей, «концентрирующихся вокруг теофорного имени», автор определяет как «митраический комплекс». В культуре славян, особенно славян восточного ареала, он отражается в виде многочисленных признаков влияния индо-иранского мифологического персонажа Митры (собираетеля, соединителя людей) на «социализированные» мифологические представления славян и обозначения социальной общности, ср.: *собрать мир, сходиться миром, идти миром* и др.

Процедура сопоставления индо-иранского образа Митры в гимнах «Ригведы» с русским миром в той его трактовке, которая складывается по текстам пословиц, поговорок, речений из собраний Даля, Прыжова и других словарных источников, дают основание вывести обширный перечень совпадающих мотивов: 1. Митра объединяет людей. – Мир един. 2. Митра удерживает землю и небо. – Мир землю держит, до небес достает. 3. Митра несет всех богов. – Мир всех несет. 4. Митра не смыкает очей. – Мир никогда не спит, все видит. 5. Кто почитает Митру, того не настигает беда. – Мир не знает беды, и т. д.

Так, на ряде блестяще развернутых примеров утверждается тезис об особой роли имени в связи с проблемой широкой семантической реконструкции. «При должном внимании исходя из имени собственного, – резюмирует автор, – можно прийти к элементарным сочетаниям элементов и фрагментов текста в его языковой форме, наконец, к сложным идеологическим концепциям и их “подоснове”».

В сходном семиотическом аспекте решается проблема этимологизации др.-греч. *Πύθων* и сербохорв. *Бадњак* в статье В. Н. Топорова «ΠΥΘΩΝ, АНІ ВУДНУА, БАДНЯК и др.». Отправным материалом для этимологического анализа названий мифологических персонажей служат данные «надъязыковых знаковых систем» – семантические «доли» ритуалов, обрядов, фольклорных текстов, в которых проступают рефлексии индоевропейской мифологемы о змее у корней мирового древа, поражаемом огнем и/или другим оружием Громовержца. Действие мифологемы приурочено к рубежному времени – переходу от Старого года к Новому году, «когда в соответствии с циклической картиной, концепцией времени Космос возвращается к своему прежнему, недифференцированному состоянию, к Хаосу, и особый ритуал перехода должен был заново воссоздать из Хаоса Космос».

В семантическую схему основного мифа укладываются образы индоевропейских персонажей: это ведийский «Змей Глубин» *Ahi Budhnyà*, ассоциируемый с низом и водами и в то же время причастный к небу и земле, горам, растениям и животным, и греческий *Πύθων* – чудовищный змей, убитый Аполлоном. Близость функциональной нагрузки позволяет установить синонимичный им образ в южнославянской мифологии. У сербо-хорватов он носит имя *бадња̋к*, у болгар называется *бъдник* и воплощается «рождественским поленом», пнем или веткой, сжигаемыми в сочельник с особыми ритуальными действиями. Характерные черты ритуала в сербской традиции дают основание для гипотезы о том, что сожжение Бадняка в конце старого года эквивалентно поражению огнем змея, воплощающего нижний мир и вредоносное начало, и знаменует начало нового сезонного цикла с обильным урожаем и умножением скота.

Нельзя не отметить виртуозность, с которой применяется в этой работе техника герменевтического описания: родственный характер мифологических образов устанавливается при помощи смысловых компонентов вербального и неязыкового свойства, а родственные связи соответствующих словесных обозначений подкрепляются, в свою очередь, содержательными элементами мифа. Взаимное проникновение двух встречных объяснительных потоков превращает этимологизацию в процедуру комплексной семантической реконструкции. Выводное суждение о том, что имена всех трех персонажей тем или иным образом восходят к и.-е. **Budh-* < **Budhn-* (восстанавливаемому имени мифологического противника Громовержца), хорошо подтверждает эффективность применения широкой семиотической «оптики» в сравнительно-историческом изучении языковых и культурных фактов.

Обратимся к еще одной работе из цикла статей В. Н. Топорова в рецензируемом издании – «Скрытое имя в русской поэзии» и представленному в ней новому ракурсу семиотической интерпретации имени. Речь идет о знаковой природе техники анаграммирования и способности расчлененной и рассредоточенной по тексту внешней оболочки имени к обозначению некоего концептуального содержания, важного для художественного восприятия и отражения мира.

Интерес к анаграмме как средству тексто- и смыслопорождения подтверждают многие работы В. Н. Топорова. Указанная статья примечательна, с нашей точки зрения, тем, что в ней сформулированы положения, принципиальные для авторской точки зрения на прием анаграммирования и его семиотический «субстрат» в памяти культуры. Отметим некоторые из них. 1. Позиция поэта есть позиция творца, демиурга, создающего собственную художественную вселенную. 2. Поэт – установитель имен: немую, бездеятельную до него вселенную он сотворил в слове, собрав ее по частям, которым он придал значение и выразил его в звуке. 3. Имя – «самый краткий и точный итог, квинтэссенция изображаемого в поэтическом тексте, и потому оно – главное в тексте. Не случайно именно оно становится объектом анаграммирования, а сам факт имяположения, становления имени знаменует вхождение в мир новой сущности, новых сил и энергий». Трактующий в таком свете феномен анаграммы предстает как «сверх-знак», открывающий возможности для мифопоэтической интерпретации художественного слова.

Хотя ключевое для текста анаграммированное имя не произносится в своей целостности, его звуковая форма, разлитая в словах, служит инструментом для «собирания» глобального образного смысла и для выражения нового, приращенного содержания. Это суждение всецело подтверждается анализом интертекстуальных и внутритекстовых связей, скрытых за анаграммами в произведениях Вяч. Иванова, А. Белого, М. Кузьмина.

Однако если в русской поэзии начала XX в. анаграммы в наиболее ярких своих проявлениях строятся намеренно и выступают частью изощренной поэтической техники, то для поэзии XIX в. вопрос о сознательном или бессознательном, интуитивном применении звуковых

повторов окончательного решения, по мнению В. Н. Топорова, еще не имеет. Поэтому искусно выполненный анализ з-повторов в стихах А. А. Фета, связанных с образом Марии Лазич, умершей возлюбленной поэта, завершается выводом, что «осторожнее видеть в подобных примерах не столько анаграмму имени, сколько отсылку к некоему его соответствию, его знаку, его звуковой теме».

Статья дает повод для дальнейших размышлений об архетипе анаграммирования, о поиске критериев для выявления анаграммы, о вариациях применения приема в разные эпохи, в разных культурно-языковых и поэтических традициях, у разных авторов.

Тема исторической динамики «семантической ауры» имени продолжена в статье *Н. Н. Запольской* «Рефлексия над именами собственными в пространстве и времени культуры». Автор выделяет в идеосемантике антропонима основной, этимологический, константный семантический компонент и дополнительный, культурно отчуждаемый, переменный компонент, который, собственно, и задает оппозиции и сближения имени с другими именами собственными и не-именами. Идеосемантика имени, таким образом, зависит от меняющихся во времени и пространстве культурных доминант, что делает имена собственные ценностным культурным ориентиром и предметом постоянной напряженной идеологической и филологической рефлексии.

Развернутым доказательством заявленной точки зрения служит подробный анализ исторических изменений в рефлексивах, отраженных учебно-нормативными текстами, – от богословской интерпретации имени в границах конфессиональной культуры к светскому восприятию антропонима и далее – в рамках культуры обмирщенной – к размыванию возвышенного аксиологического «ореола» имени.

Лаконичным и ярким примером культурно-исторической динамики в рецепции имени человека служит описание семантических подвижек в трактовках имени *Петр* при включении его в тексты грамматик разных исторических периодов. В парадигме религиозной христианской культуры имя *Петр* принадлежало библейскому антропонимическому репертуару и определяло функциональный статус апостола Петра в библейской истории. Посредством, например, соположения имен *Петр* и *Анна* в грамматиках могла актуализироваться идея прославления Христа в духовном и реальном времени.

Изменение отношений государственной и церковной власти привело к смене в нормативной лингвистической литературе библейского антропонимического репертуара на исторический – имена библейских персонажей стали трактоваться как имена исторических лиц – именно так в XVIII в. употребляются имена *Петр* и *Анна*.

В «Грамматике» Н. И. Греча, выпущенной в 1827 г., уже отмечается сокращение «нормативной» антропонимической пары до одного имени – *Петр*. Далее, в первой половине XX в., в свете действующих государственных императивов исторический репертуар меняется на литературно-художественный. Например, в грамматиках русского языка 1940–1950-х гг. собственные имена предпочтительно иллюстрируются именными формулами *Александр Сергеевич Пушкин, Максим Горький, Илья Муромец*.

«Дальнейшая демократизация общества и упрощение культурно-ценностных ориентиров, – пишет Н. Н. Запольская, – мотивировали снижение аксиологии имен, что проявилось в замене литературно-художественного антропонимического репертуара бытовым, т. е. деактуализацией не только основного, этимологического, но и дополнительного семантического компонента имени. Антропонимическое поле академической “Русской грамматики” 1980 г. снова включает имя *Петр*, но оно уже представлено в обиходно-фамильярной форме *Петя*, которая указывает на бытовой характер репертуара собственных имен».

Не подвергая сомнению значимость полученных результатов, позволим себе не соглашаться с отдельными положениями работы. Прежде всего, недостаточно логично, на наш

взгляд, выведена формула идеосемантики имени с этимологическим значением в функции основного компонента. Условный характер процессов мотивировки препятствует включению этимологической семантики в главное, понятийное содержание имени. Кроме того, неизбежно встает вопрос о глубине этимологизации: к примеру, то же греческое имя *Петр* значительно древнее, нежели христианская традиция. В свете обсуждаемой в статье проблематики, быть может, правильнее было бы ограничиться лишь рассмотрением большей яркости либо приглушенности культурных коннотаций и/или фоновой информации, сопутствующей имени собственному.

Другое наше размышление касается необходимости разграничивать культуру метаязыкового описания, которая явлена в грамматиках, словарях и учебниках, и более широкий культурный фонд, отраженный в текстах разной содержательной направленности. Личный опыт наблюдений над материалом художественных текстов и авторефлексией носителей современного языка по поводу собственных имен убеждает в том, что «религиозные» коннотемы сохраняются в языковом сознании и могут оживляться, если в действие вступает соответствующий ракурс осмысления именной лексики.

К проблемам восприятия и речевого применения имени в специфическом культурном контуре обращена статья *И. А. Седаковой* «Новая прагматика архаических моделей: имена неоязычников». В субкультуре неоязычников антропониму возвращаются свойства знака, который особым образом связан с личностью и духовной практикой своего носителя. «Символика имени строится на буквальном или метафорическом его прочтении. Стремление к прозрачности имени, нередко идентичному прозвищу, кличке, продиктовано верой, что имя отражает важнейшие индивидуальные свойства последователя Традиции, его идеологические и религиозные воззрения, практические интенции», – отмечает *И. А. Седакова*.

Об усиленном внимании к личному имени со стороны адептов нового славянского язычества свидетельствуют поведенческие стереотипы – специальные ритуалы и обряды, сопровождающие наречение; выбор имени или его сотворение с установкой на максимальную индивидуализацию и самовыражение; активное рефлексирование по поводу именованных на Интернет-сайтах «своего круга» и т. п.

Интересны наблюдения автора над искусственной архаизацией внешней формы неоязыческих имен, которая проявляет себя в смешении восточнославянских и южнославянских корней; над псевдофольклорностью и лингвистической пестротой дискурса «последователей Традиции», где наряду со славянскими элементами фигурируют новейшие заимствования (лексика новых технологий, терминология НЛП, американизмы и пр.). В целом разносторонне и подробно описанный материал позволяет рельефно представить эклектичность языковой культуры приверженцев нового языческого движения.

Тема мифопоэтического потенциала имени, открытая в сборнике статьями *В. Н. Топорова* («*ΜΑΚΑΡ, ΜΑΚΑΡΙΟΣ* и др.», «Об одном архаическом переживании: похороны Сидора Карповича»), продолжает свое развитие в филигранной работе *Т. В. Топоровой*, посвященной сопоставительному рассмотрению древнеисландского оронима *Hnit-björg* «Сталкивающиеся горы» и русского выражения *горы толкучии*, репрезентированного в текстах русских духовных стихов и былин. Историко-культурный комментарий и детальный анализ семантических компонентов сравниваемых обозначений дает веские аргументы для выводов об их далеко идущем сходстве. Оно обнаруживает себя в целом ряде показателей: в восприятии двух гор как сдвоенного объекта и неделимого целого, в ассоциациях со стихией хаоса, в синтаксической функции субъекта, в наличии в образах признаков одушевленности, в общем мотиве, связанном с прохождением героем гор, что имеет непосредственное отношение к сфере познания.

За глубинным сходством, в свою очередь, усматривается наличие архаичного мифологического образа, который предположительно восходит к эпохе индоевропейской общности, а также неких общих фигур поэтического языка древнеисландского и русского ареалов.

Второй раздел сборника объединяет магистральная тема поэтики имени собственного в художественном тексте.

В статье *Т. М. Николаевой* «Князь Звездич и баронесса Штраль – кто они такие?» из антропонимического свода драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад» на первый план выведены образы двух неглавных героев, которые, тем не менее, выступают носителями и движущими силами основной интриги. Семантическая корреляция между именами персонажей – *звезда* (Звездич) и *луч* (Strahl), инокультурный характер антропонимов, сходство в поведенческой линии героев (бесчестные поступки и запоздалое раскаяние) становятся отправной точкой для углубленного филологического анализа сложных и тонких аллюзий, которые, согласно исследовательской гипотезе, соединяют лермонтовскую драму с романом французского писателя XVIII в. Шодерло де Лакло «Опасные связи». Именно к протагонистам французского романа – маркизе де Мертей и виконту де Вальмону, полагает Т. М. Николаева, восходят образы князя Звездича и баронессы Штраль.

Литературные аллюзии антропонимов раскрываются и в статье *М. А. Дмитровской* «Об отношении искусства к действительности, или Почему майор Петр Лавренов убил Элизу Прево», посвященной интертекстуальной природе рассказа Юрия Буйды «Чужая кость». Собственные имена наряду с другими строевыми элементами применяются писателем для того, чтобы «ввести» в повествование предшествующие литературные тексты (претексты) и таким образом сформировать особую смысловую плоскость – назовем ее металитературной, поскольку именно здесь отражается авторский взгляд на вечный вопрос об отношении искусства к действительности.

Знаки интертекстуальности обильно рассыпаны в рассказе Ю. Буйды. Имя главного героя Петра Лавренова анаграмматически перекликается с именем французского богослова, философа и поэта Пьера Абеляра (книга последнего симптоматично упомянута в интервьюерном описании).

Имя героини рассказа Элизы также прозрачно отсылает читателя к роману Абеляра о трагической истории его любви к Элоизе Прево. Одна из вариаций имени – *Лиза* – напоминает о «бедной Лизе» из повести Н. М. Карамзина, и тем самым акцентируется мотив жертвенности, свойственный «трактатам о любви» в сентиментальной русской литературе и предшествующей французской литературной традиции.

Еще одна значимая литературная аллюзия задана паронимической аттракцией фамилий майора П. Лавренова и писателя Б. Лавренева, автора рассказа «Сорок первый», в котором на пронзительных нотах прозвучала тема искусства и реальности.

Прорисовку литературного фона, окружающего имена персонажей, М. А. Дмитровская соединяет с препарированием композиционных особенностей, деталей сюжета и текстовых фрагментов рассказа Ю. Буйды, тем самым убедительно проясняет художественно-философское содержание произведения.

Переключка собственных имен находится в фокусе исследовательского интереса *Ф. Н. Двинатина* («Из заметок о поэтике имени»). В эскизных зарисовках автор комментирует частные примеры именных соотношений и дает свое видение лежащей в их основе мотивировки. Для имен тесно связанных персонажей повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» Катерины и старика Мурина указывается объединяющая производящая основа – название церкви св. Екатерины в Мурино, располагавшейся в окрестностях Петербурга. (Хотя не ясно, как это согласуется с демонизированными образами самих героев?)

Для собственных имен в эпиграммах Вас. Курочкина, построенных на травестийных «перепевах» пушкинских текстов, в качестве прототипов указаны одинаково рифмуемые антропонимы в исходных пушкинских строках, ср.: для фамилии *Самарин* Курочкин выбирает пушкинскую рифму на *Флюгарин* и т. д.

Не все версии можно принять безоговорочно, поэтому вопрос о надежности критериев, позволяющих отнести сближение в чем-то подобных звуковых оболочек к закономерностям текста, остается открытым.

Предметом изучения в работе *А. Б. Пеньковского* («Пушкинский текст и текст культуры») являются особенности семантического пространства повести А. С. Пушкина «Гробовщик». Роль стержневого организующего начала здесь выполняет оппозиция категорий «жизнь – смерть», развернутая в игровую, парадоксальную плоскость. Она пронизывает все сюжетно-композиционные, образные, цитатно-паремиологические, мифологические и иные средства повести. Имена собственные, вплетенные в нарратив, также подчиняются центральному противопоставлению. Ярким подтверждением тому служат имена двух протагонистов – гробовщика Адриана Прохорова и Петра Петровича Курилкина, отставного гвардии сержанта, явившегося гробовщику в пьяном сне вместе с другими покойниками.

В имени живого Адриана Прохорова анаграммирована идея смерти: *Прохоров – Прохорович – похороны*, тогда как в именовании мертвеца Курилкина, напротив, заключена идея жизни. Она поддерживается, во-первых, прозрачной отсылкой к русской поговорке «Жив, курилка» (используемой в отношении того, кого ошибочно считали умершим, но кто на самом деле жив); во-вторых, – мифологемой, связанной с древней языческой обрядовой игрой «Жив, жив, Курилка!». (*Курилка* – «головенька из спички, дымящаяся лучинка и самая игра, в которой спичка переходит из рук в руки, с приговоркою “жив, жив курилка!”» [Даль]).

Еще одна антропонимическая оппозиция – *Готлиб Шульц – Адриан Прохоров* также укладывается в семантическое поле категорий жизни и смерти. «В имени первого парадоксально записана “милость, любовь бога”, тогда как имя второго – *Адриан* – анаграмматически (ср.: ад) и вместе с упоминаемым в тексте почтальоном А. Погорельского, персонажем повести “Лафертова маковница”, отсылает читателя к потустороннему миру преисподней».

Разбирая в подробностях смысловую архитектуру пушкинского текста, А. Б. Пеньковский приходит к выводу, что «в языковой системе этого времени “Личное” и “Предметное”, “Живое” и “Неживое” не были еще противопоставлены с той степенью жесткости и последовательности, как это имеет место в современном языке».

Знаковое отсутствие имени в художественном тексте обсуждается в статье *Н. В. Васильевой* «Поэтика безымянности». Не будет преувеличением назвать эту работу новаторской и поставить в заслугу автору разработку новой текстовой категории, меняющей наши представления о функционировании имени в тексте. Н. В. Васильева характеризует лики безымянности (неимение имени, незнание имени, анонимность) в оппозиции к именованию, точнее, в динамике вариантов превращения одного в другое в процессе развертывания текста, при этом каждый переход знаменует собой рождение нового смысла.

Исследовательские задачи решаются на материале романов Милана Кундеры – писателя, чья художественно-речевая манера отмечена своеобразными провокациями в диалоге с читательской аудиторией. Особенности искусной игры с читателем Н. В. Васильева раскрывает через описание дискурсивных стратегий, организуемых разными видами отношений «безымянности ↔ имени».

В рамках дискурсивной стратегии «неимение имени ↔ имя» отмечается склонность писателя к уклончивому именованию героев через кличку, псевдоним, цитацию. Динамика преобразования безымянности от «незнания имени» к «какому-либо называнию» часто реализуется с помощью неопределенной дескрипции, вынуждающей читателя собирать ин-

формацию о персонаже из предыдущего текста. Переход «от анонимности к имени» служит приемом исходной загадки, за которой может последовать раскрытие, разоблачение.

В противоположных стратегиях – от именованности к вариантам безымянности – также обнаруживается специфическое наполнение. Движение «от имени к его отсутствию» вскрывает архетипическую модель восприятия имени как символа жизненной силы человека, поэтому для героев М. Кундеры страх потерять имя равносителен страху утраты своей идентичности. Текстовая динамика «от имени к его незнанию» связывается с забвением, «затуханием» имени в ткани повествования. Наконец, вариация обозначения через категорию анонимности, сознательного сокрытия антропонима, например за аббревиатурой или астериском, с последующими версиями расшифровки, создают напряженность текстовой интриги.

Теоретическая и методологическая значимость работы Н. В. Васильевой выходит за пределы анализа дискурса отдельного писателя, и едва ли дальнейшее освоение ономастики художественного текста сможет проводиться без учета предложенной концептуальной динамической модели.

В замыкающей сборник статье *Е. В. Душечкиной* «Культурная история имени Светлана» на значительном фактическом и текстовом материале сделана попытка проследить социальную и литературную судьбу женского имени, отсутствующего в церковных святцах.

Имя *Светлана* стало популярным у русской образованной публики в XIX в. благодаря романтическому образу, созданному в балладе В. А. Жуковского. Имя и типаж милой и кроткой девушки начали использоваться в литературных, драматических, оперных, балетных произведениях. Однако крестить новорожденных девочек под именем *Светлана* вплоть до революции 1917 г. было практически невозможно. Только с освобождением от диктата святцев имя постепенно утвердилось в официальном антропонимиконе. В условиях социалистического строя произошло его частичное переосмысление – имя получило дополнительную «советскую» окраску, согласуясь с новой символикой понятий «свет» и «светлый». В середине XX столетия в связи с ростом частотности имя *Светлана* утрачивает свою особенность и превращается в обычное, немаркированное. В последней трети прошлого века имя характеризуется как высоко частотное, и это обстоятельство создает ощущение его банальности, заурядности.

В литературной биографии антропонима прослеживается историческая траектория от *Светланы* к *Свете* и *Светке*, от номинации русской барышни с чуткой душой – к называнию энергичной участницы социалистического строительства. В литературе конца XX в. *Светка* – имя-типаж для вульгарной, малообразованной, не обремененной моральными принципами девицы.

Наиболее ценной по фактографии и объяснительной глубине нам представляется первая часть статьи, обращенная к дореволюционному прошлому имени. Что же касается версии литературной судьбы имени в XX в., то она кажется излишне схематизированной. Возможно, привлечение разнообразных в жанровом и тематическом отношении текстов позволит обогатить ее новыми деталями.

Завершая обзор материалов сборника, выражаем уверенность, что он займет достойное место в ряду авторитетных филологических изданий. Продуктивность результатов, полученных при освоении нового направления – текстовой семантики имени собственного – позволяет высоко оценить научный потенциал книги и рекомендовать ее филологам и специалистам в области семиотики культуры.

М. В. Голомидова, д-р филол. наук, проф. УГТУ–УПИ
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург)